

Чэ Жуйхэ замялся.

Он никак не мог разгадать истинное значение взгляда Цзянь Линя — яркого, пристального, застывшего на его лице. Его глаза в этот миг походили на два прозрачных янтарных самоцвета.

Секундная стрелка отсчитывала мгновения, и Жуйхэ, заметив, что взгляд напарника начинает гаснуть, выдал из себя натянутую улыбку:

— Конечно, доверяю. Мы же напарники, верно? Генерал Му Няньчэнь?

Имя персонажа мгновенно перенесло их в знакомую реальность — туда, где была и горечь расставания под осенним ветром, и грохот войны, и небо, залитое кровью при новой встрече.

Пожалуй, единственной нитью, связывавшей его с Цзянь Линем, была аудиодрама «Его узник в плену». Но интуиция подсказывала Жуйхэ: этот человек, словно свежий мазок масляной краски, еще оставит в его будущем яркий след. Насколько глубоким и незабываемым он будет — предсказать было невозможно. Кто вообще знает, что готовит завтрашний день?

Жуйхэ сжал стакан с водой, ожидая ответа. Но Цзянь Линь продолжал молча смотреть на него, и он не мог понять, что скрывается в этой широкой груди, какие чувства там подавлены или заперты.

— Кстати, ты говорил, что пришел сценарий финала, — он пригубил воду, стараясь сменить тему. — Значит, завтра приступаем к репетициям и записи?

— Не стоит так спешить, — глухо отозвался Цзянь Линь, пристально глядя на карман брюк Жуйхэ, куда кто-то из гостей в праздничной сутолоке успел сунуть несколько поздравительных открыток и визиток. — Можешь отдохнуть еще пару дней.

— Ну уж нет, Шигэ и так дал мне достаточно выходных. Если задержусь еще немного, совсем стану бесполезным, — он раздраженно потрянул головой.

Бесполезным — полбеды, тут и с ума сойти недолго. Стоило ему вспомнить, как долго он просидел запертым дома, в нем снова вскипела досада. Он никогда не считал себя способным к бизнесу. Вещи, требующие долгого и вдумчивого изучения, ему приходилось заглатывать огромными порциями в кратчайшие сроки — неудивительно, что разум отказывался это переваривать. Хорошо еще, что Сяо Дун постоянно был на связи, объясняя и направляя, иначе Жуйхэ окончательно бы запутался, как слепой котенок.

О каком отдыхе могла идти речь?

— Подвезти тебя завтра утром? — мягко спросил Цзянь Линь.

— Не нужно, Сяо Дун заедет.

Жуйхэ встал и приоткрыл узкую щель в массивном дубовом окне, впуская в душную комнату глоток прохладного ветра.

— Сяо Линь, — он обернулся, — у тебя есть алкоголь?

Цзянь Линь вздрогнул от неожиданности:

— Ты что, решил выпить?

— Да нет, просто захотелось. Так есть или нет?

— Только газировка, — Цзянь Линь, поджав губы, подошел к шкафу и достал две бутылки «Восса». Голос его звучал натянуто.

— Газировка? Надо же, ты тоже её любишь! — Жуйхэ принял бутылку, взболтал в руках прозрачную жидкость со вкусом винограда, и он радостно просиял. — О, какое совпадение, мой любимый вкус.

Цзянь Линь промолчал.

Ледяная влага приятно обожгла горло, мгновенно унимая внутренний жар. Жуйхэ жадно сделал несколько глотков, шумно выдохнул и вдруг прищурился, глядя на щель в шкафу, которую Цзянь Линь не успел плотно закрыть.

— Ого?

Он протянул руку, собираясь достать янтарную бутылку, запрятанную в самом дальнем углу на верхней полке, но Цзянь Линь среагировал мгновенно — с глухим стуком захлопнул дверцу шкафа.

«Это ведь было виски?»

— Иди приляг в спальне, отдохни. На улице холодно, не хватай сквозняков, — Цзянь Линь взял его за плечи и настойчиво повел в сторону спальни. — А я приготовлю поесть.

—... Хорошо, — Жуйхэ послушно побрел за ним, глядя ему в широкую спину.

Цзянь Линь решил приготовить лапшу долголетия.

Жуйхэ уже ел у него лапшу в прошлый раз, но сегодняшнее блюдо должно было стать особенным.

Время тянулось медленно. Прошло немало времени, прежде чем он наконец разлил по мискам ароматный бульон с кинзой и приправами. Цзянь Линь никогда ни к чему не относился так бережно и старательно, даже если речь шла всего лишь о миске лапши. Он снял фартук и осторожно вынес обе порции из кухни.

Но в гостиной он замер.

Чэ Жуйхэ, обмякнув, лежал на мраморной столешнице. В руках он сжимал ту самую бутылку виски, припрятанную в шкафу. В свете ламп золотистая жидкость манила обманчивым теплом.

Он всё-таки до неё добрался.

Алкоголь волнами накатывал на сознание, и каждая новая была сильнее предыдущей. С покрасневшим лицом, Жуйхэ походил на ребенка, которого обманули сладостью. Сначала он с наслаждением прихлебывал крепкий напиток, но виски — «вода жизни», как называют его британцы, — обладало коварным, сбивающим с ног послевкусием. Для Жуйхэ, никогда не отличавшегося стойкостью к хмельному, это было слишком.

Цзянь Линь помрачнел.

Жуйхэ лежал, чувствуя, как тело наливается жаром. Ему было всё равно, что он пьет; он лишь чувствовал, как алкоголь делает мысли то невыносимо тяжелыми, то легкими, окончательно лишая способности рассуждать.

В этой пустоте пришло избавление. Он смог наконец забыть о своем инстинктивном отвращении к выпивке.

Ему просто хотелось спать. И было совершенно неважно — где, на чем и как долго. Подсознание нашептывало, что Цзянь Линь не причинит ему вреда. Как он и говорил — Цзянь Линю можно доверять. И поэтому он позволил себе эту безрассудную, беспмятную спячку.

Точно так же, как в первый раз, когда они оказались в одной постели.

В неверном свете ламп ему снился старый сон.

— Папа... отец... — должно быть, шаги Цзянь Линя потревожили его. Жуйхэ, покрасневшийся и сонный, заворочался, уткнувшись лицом в сгиб локтя. Он затрепетал ресницами, голос звучал невнятно: — Не пойду... в парк аттракционов...

— Давай на лыжах? Поедем кататься на лыжах?

— Нет, нет... вы ушли... тогда была не зима... — дыхание его участилось, стало рваным, но вскоре вновь выровнялось.

Цзянь Линь подошел ближе, пристально глядя на него.

В комнате воцарилась пугающая тишина. Он смотрел сверху вниз на спящего человека, и его рука невольно поднялась. Кончики пальцев коснулись лба Жуйхэ, скользнули к переносице, к кончику носа, на мгновение замерли у теплых, мягких губ и неохотно остановились на подбородке.

Цзянь Линь чувствовал: этот человек смертельно устал.

Легкое прикосновение отозвалось в сознании Жуйхэ током. Он нахмурился, затрепетал ресницами и зашептал что-то бессвязное.

У Цзянь Линя в груди разлилась резкая боль. Он наклонился ниже, дыхание его стало тяжелым.

Тело, о котором он грезил столько лет, сейчас лежало перед ним — покорное и беззащитное, точно раненый зверек. Цзянь Линь не понимал, что в нем сильнее: восторг или страх. И не мог разобрать, явь это или очередной морок.

— Чэ Жуйхэ?

Он позвал негромко, но юноша не шелохнулся.

Внезапно тишину разрезал резкий звонок. Смартфон, лежавший на столе, вибрировал и светился. Цзянь Линь вздрогнул, приходя в себя. Бросив быстрый взгляд на Жуйхэ, он взял трубку.

— Слушаю, — голос на том конце был смутно знаком, но неприятно резок: — Молодой господин Чэ?

Цзянь Линь похолодел. В памяти всплыло то самое бледное лицо с сегодняшнего банкета. Он снова посмотрел на пунцовые щеки спящего Жуйхэ и произнес, чеканя слова:

— Он спит.

На другом конце города, в пентхаусе высотки, Су Я смотрел на огни ночного мегаполиса за

панорамным окном. Услышав чужой голос, он на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки:

— Простите... с кем я говорю?

— Это важно? — Цзянь Линь сдержал гнев. — Что у вас за дело?

Су Я замолчал. Возникла тяжелая, неловкая пауза.

— Послушайте, — наконец произнес он пренебрежительно. — То, что я должен ему сообщить, касается личных и крайне важных дел. Мне бы не хотелось, чтобы вмешательство посторонних создало лишние проблемы. Вы помощник? Или секретарь? В общем, мне плевать, кто вы. Когда он проснется, пусть немедленно свяжется со мной. Если из-за вашей нерасторопности что-то сорвется — пеняйте на себя.

Тон был приказным, в нем не было ни капли уважения.

Кулаки Цзянь Линя сжались.

— Алло? Алло, вы слушаете? — не дождавшись ответа, Су Я засыпал его вопросами.

Цзянь Линь, не колеблясь, сбросил вызов.

Тот перезвонил снова. Тогда Цзянь Линь мрачно выключил телефон.

Постаравшись унять гнев, он коснулся плеча Жуйхэ и тихо прошептал:

— Проснись. Вставай, надо выпить воды.

Голос его, как всегда, был глубоким и проникающим, но алкоголь уже окончательно одурманил сознание Жуйхэ. Он не понимал ни слова. Лицо и шея его были багровыми, точно переспелый плод; он лишь невнятно мычал что-то в ответ.

Цзянь Линь вздохнул, покачав головой. Он злился на него за тайную выпивку, но в то же время этот новый Жуйхэ — без привычного высокомерия и гордости, со спутанными волосами и пьяной покорностью — вызывал у него странную нежность. Таким он его еще никогда не видел.

Похоже, лапша долголетия сегодня останется нетронутой.

Цзянь Линь подхватил его и уверенным шагом направился в спальню.

Несмотря на всю осторожность, Жуйхэ сдавило живот. Он почувствовал, как чья-то сильная, горячая рука обхватила его поперек талии, вышибая остатки дыхания. В глазах поплыло, к горлу подступила резкая горечь, Жуйхэ дернулся и... его стошнило прямо на Цзянь Линя.

Этот «букет» Цзянь Линь прочувствовал сполна.

Пока он укладывал бедолагу в постель и отмывал всё вокруг, наступило два часа ночи.

Но не успел он прилечь, как в дверь громко постучали.

В дверном глазке виднелся представительный мужчина в безупречном костюме. Несмотря на глубокую ночь, его прическа была идеально уложена гелем. Стоило Цзянь Линю открыть дверь, как визитер поправил пиджак и вежливо улыбнулся:

— Господин Цзянь? Прошу прощения за беспокойство. Старейшина Чэ приказал мне забрать молодого господина домой. Мы отследили геолокацию и прибыли за ним.

— Прошу прощения, господин Цзянь, — подал голос стоящий рядом Сяо Дун. — Будьте добры, позовите нашего молодого господина. Мне нужно отчитаться о выполнении поручения и больше не тревожить ваш сон.

Сяо Дун и дворецкий попытались заглянуть вглубь квартиры.

Он тяжело посмотрел на них. Он вспомнил о спящем в спальне Жуйхэ и молчал.

Сяо Дун опешил. В эти секунды безмолвия ему показалось, что на лице этого господина Цзяня промелькнула тень искренней тоски и нежелания расставаться.

«Наверное, просто показалось?»

<http://bllate.org/book/17503/1658678>